К дню рождения Александра Сергеевича Пушкина

• ВЫ НАС ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ

СРЕДИ бессмертных произведений А. С. Пушкина особенным для меня чувством проникнут «Акафист Ек. Ник. Карамзиной». Очень хотелось бы на страницах газеты прочитать об истории его создания.
Л. САФАРАЛИБЕКОВА,
Алма-Атинская область, учительница.

«Свой дар несет с благоговеньем»

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем,
Так посвящаю с умилением
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

А. С. ПУШКИН.

ВОСЕМЬ дней он был в дороге, сломал два колеса и приехал в Михайловское на перекардах. Приехать сюда свободным, где проведет изгнанником более семисот томительных дней и ночей? Мог ли он представить себе это тогда, когда писал Жуковскому:

«Милый, прибегаю к тебе. Посуди о моем положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моей ссылкой, беспрепятственно твердил, что и его ожидает та же участь... Спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем».

Он был готов на все, чтобы обрести желанную свободу. Сначала неудачная попытка совершить побег, потом хлопоты о разрешении выехать из Михайловского для лечения аневризма.

Однажды, это было в октябре 1825 года, он написал Жуковскому в Петербург. Пожалуй, это было самое длинное письмо, посвященное всеми любимому предмету для разговоров — аневризму. Друзья волновались: почему Пушкин отказывается от операции? Но стоит ли так заниматься болезнью, которой он хотел воспользоваться как предлогом уехать лечиться за границу или в центр России, или куда угодно, раз уж нельзя в Европу!

«Милый мой, посидим у моря, подождем погоды; я не умру; это невозможно; бог не захочет, чтоб «Годунов» со мною уничтожился. Дай срок: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедия искупит меня... Но до трагедий ли нашему черствому веку?»

Закабалиться на десять лет ссылочной жизни из-за операции? Помилуй бог! Лучше умереть от аневризма, чем от скуки. Да разве можно верить псковскому лекарю, что без операции не дотянуть до тридцати лет. Нет, он должен жить и работать!

В деревне с вдохновением, коего ждал он, отправившись туда в осеннюю пору, не повезло. Опять, как в прежние времена, едва успевал писать и сам отвечал на письма: Погодину в Москву — о том, что не может участвовать в его журнале, в Петербург — о трагедии «Борис Годунов», которую читал в кругу друзей, Вяземскому, Зубкову...

Но вот в декабре наконец-то выпал снег, и Пушкин отправился в путь. В середине месяца он уже был в Москве.

Наступал 1827 год. Каким он станет в его жизни?

«А яблони давно отцвели», — почему-то подумалось Пушкину, возвращающемуся в Михайловское летом 1827 года. Представляя себе встречу со старым домом, он неожиданно уловил тонкий, едва различимый аромат спелых яблок, напомнивший давно, казалось бы, забытое: детство, сморщенные руки няни.

Как и минувшей осенью, он рассчитывал тихо войти в дом и обрадовать старушку неожиданным появлением. Но то ли услышала она стук колес, то ли материнское ее сердце подсказало, но вдруг мелькнула за оконцем тень, и вот уже Арина Родионовна торопится ему навстречу, на ходу поправляя платок, приоткрывший поседевшие волосы, высокий лоб с сеточкой морщинок.

А в кабинете все по-прежнему, разве только нет на столе осенних листьев. И яблок. Удобно устроившись в кресле и с наслаждением вытянув ноги, устроил их на подножной скамеечке: право, так иногда легко думалось. Но сегодня словно что-то мешало. Пушкин резко поднялся и быстро пошел к дверям. Уже через минуту знал, куда идет... Липовая аллея! Здесь когда-то (давно ли?) бродили они с Анной Петровной, и она споткнулась о переплетенные корни деревьев, а ему тогда показалось — о камень, и он еще положил этот камень на стол... Пушкин медленнее пошел по аллее, мучительно желая воскресить возвышенные чувства, сближавшие их тогда. Вспоминал, как любовался мягким овалом ее лица, изящным носиком, маленькой нижней губкой. А Керн словно не замечает его восхищенного взгляда, гордая сознанием своей красоты.

Липы уныло и светло молчали. Может, потому что полузабытый облик Керн уже не волновал, как прежде?

Дни шли за днями, а работа все не клеилась. Как видно, опять всему виной — одиночество. Вспомнились лицейские товарищи, дружеские пирушки, Дельвиг. Антон был хорош собой: красиво очерченные, немного женственные губы, высокий лоб философа и умные добрые глаза под очками, придававшими его лицу особенное выражение удивленной задумчивости. А ведь обещал ему прислать элегию! Пушкин принял-ся за письмо Дельвигу:

«Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увьяла наконец, и верно надо мной

Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! В душе моей
Для бедной, легкой тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

Вот тебе обещанная элегия, душа моя. Теперь у тебя отрывок из «Онегина», отрывок из «Бориса», да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на руках «Московский вестник» и что я не смогу его оставить на произвол судьбы и Погодина. Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у вас, вдохновения еще нет, покамест принялся я за прозу. Пиши мне о своих занятиях. Что твоя проза и что твоя поэзия? Рыцарский Ревель разбудил ли твою музу? У вас Булгарин? Сомов говорил мне о его «Вечере у Карамзина». Не печатай его в своих «Цветках». Ей богу неприлично. Конечно, вольно собаке и на владыку лаять, но пусть лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично, не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличней. Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее целует, а я ей кланяюсь. — Пиши же.

31 июля 1827 года. Мих.».

Окончив письмо, Пушкин задумывается: элегия, посланная им в Ревель Дельвигу, напоминала о многом. Известие о смерти Амалии Ризнич почти не взволновало: оно пришло едва ли не одновременно с вестью о казни декабристов. Проклятое заточение! Ведь он мог быть с ними на Сенатской...

Лишь я, таинственный певец
На берег выброшен грозою, —
вспомнились ему строки из «Ариона». В задумчивости взял он перо и написал:

От бурь спасенный провиденьем...

Что это? Продолжение темы «Ариона»?

Свой дар несет с благоговеньем.

Лето на исходе. А вдохновения все нет и нет. Зачем же тогда писал в «Арионе»:

Я гимны прежние пою?

Равнодушно скользнув взглядом по наброскам нового стихотворения, по стопке чистой (увыл) бумаги, по только что написанному письму Дельвигу, «спотыкается» о строчку: «Наше молчание о Карамзине и так неприлично. Что если посвятить сей стих одной из его дочерей? Софье? Катерине?»

Карамзины... Карамзин... и Пушкин... Можно ли было ставить рядом их имена? Придворный историограф, заступившийся перед царем о судьбе опального поэта, и сочинитель поэмок! Интересно, как отозвался бы Николай Михайлович, прочтя трагедию, об ее авторе? А ведь конец десятого и весь одиннадцатый том его «Истории» — вот вам и план «Бориса Годунова»... Александр уже писал об этом к Вяземскому в сентябре 1825-го. Кто знал тогда, что спустя год, 10 июля, будет послано другое письмо: «Читая в журнале статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти?»

...Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Свой бедный дар с благоговеньем
Приносит набожный пловец...

Но до трагедий ли нынешнему черствому веку? Может статься, когда-нибудь после... А ведь что за чудо эта «История!» И каков язык! Кажется, высокий пример Карамзина должен бы вдохновить литераторов заняться изучением новейших языков? Да где там... Так вот же вам! Радуйтесь, умиляйтесь смиренному набожному Пушкину!

И он наново переписывает первые девять строчек будущего «Акафиста», зачеркивает, снова пишет, еще без заголовка и посвящения:

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем,
Так посвящаю с умилением
Тебе терновый мой венец
Тебе спокойное светило
Святая страница небес
Звезда, лиющая уныло

Пройдет совсем немного времени, и Пушкин на чистом листе напишет:

Акафист Ек. Ник. Карамзиной

1827 год, 31 июля, Михайловское...

А в 1831 году выйдет наконец в свет трагедия «Борис Годунов», в предисловии которой Е. Н. Карамзина (по мужу Мещерская) прочтет: «Драгоценной для россиянина памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин».

«Свой дар несет с благоговеньем», — вспомнит ли потом она эти строчки, записанные поэтом в ее альбом 24 ноября 1827 года? Кто знает! Но она лучше других сможет понять трагедию Пушкина и будет проклинать его убийцу.

Е. ГОРДЕЕВА.

«Бендер пустынные раскаты...»

СТАРИННЫЙ молдавский городок Бендеры. Он возник на том месте, где в XII веке гегуэзцы построили крепость. Как и во многих наших городах, есть здесь улица Пушкина, школа его имени.

20 сентября 1820 года ссыльный поэт выехал из Одессы в Кишинев. На следующий день он был в Бендерах. Пушкин не останавливался на этот раз в городке, не осмотрел массивную стену крепости. Торопился в Кишинев.

В начале 1824 года знакомый Пушкина подполковник Иван Петрович Липранди ехал в Одессу. На одной из почтовых станций ему указали на высокого сухоощавого старика — Искру. Сообщили: тот своими глазами видел шведского короля Карла XII. Липранди стал расспрашивать Искру о событиях, происшедших более столетия назад. Искра поведал, что его, тогда еще мальчишку, мать не раз посылала в Варницкий лагерь, вблизи Бен-

дер, отвозить на тележке молоко, творог, яйца. Старик описал, как выглядел король Карл XII, где и что находилось тогда в Варнице.

Через некоторое время Липранди выехал из Кишинева в Одессу, взяв с собой книги, в которых рассказывалось о пребывании Карла XII возле Бендер.

Пушкин в это время был в Одессе. Узнав об Искре, он упустил графа Воронцова отпустить его вместе с Липранди в Бендеры.

И вот перед приехавшими бодрый еще украинец — Николай Искра. Взяв с собой книгу, в которой был изображен план лагеря шведов, друзья вместе со стариком отправились в Варницу. Рассказ Искры о событиях совпал с изображением на плане.

Александра Сергеевича особаменно интересовала судьба Мазепы, его могила. Но, к сожалению, Искра о Мазепе ничего сказать им не мог. Правда, позднее были найдены материалы, что тело гетмана Мазепы из Бендер пе-

ревозили в Галац и там похоронили. Но ни Пушкин, ни Липранди в то время этого не знали.

Трудно сказать, какую роль сыграл Искра в работе Пушкина над «Полтавой», но знакомством с ним навеяны строчки:

Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра
заодно...

...Широкая улица с красивыми современными домами. Прекрасное здание городской библиотеки недалеко от нового Дома книги. Солнцем залита листва кленов, каштанов. Идя по проспекту, я на одном из перекрестков как-то неожиданно оказался возле небольшой площадки. Здесь, среди буйной зелени, на высоком мраморном постаменте в свободной позе сидит на скамье и задумчиво смотрит вдаль Пушкин.

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
доцент Тираспольского
педагогического
ин-та Т. Г. Шевченко.
г. Бендеры.